

О.В. Скобелкин

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ТЮРЬМЫ В 1676 Г.¹

И дёшево по тюрьмам проживать, да накладно.
(В.И. Даль)

Во второй половине XVII в. воеводы и приказные люди городов Белгородского полка ежегодно направляли в Белгород отчёты о состоянии вверенных им городов и, отчасти, уездов. Такие отчеты назывались годовыми сметами или годовыми сметными книгами и подписывались лично главой города или уезда. В Белгороде подьячие разрядной избы переписывали их в единую книгу и отправляли в Москву в Разряд. (Архивисты XIX в. назвали такие книги также годовыми сметными книгами.) Судя по всему, отчитываться воеводам надо было к началу нового календарного года, т. е. к 1 сентября. Однако на практике отчеты присылались на протяжении всего лета и, в меньшей степени, осени – с июня по ноябрь. Таким образом, в отчетах описывалось состояние городов и уездов, главным образом, на весну–лето.

Годовые сметы содержат информацию о самых различных аспектах жизни городов, начиная с именных списков должностных лиц и служилых людей городской службы и заканчивая перечислением казённого плотницкого, кузнечного и шанцевого инструмента.

Одним из обязательных пунктов каждого отчета были сведения о «тюремных сидельцах» – т. е. о лицах, содержащихся на момент составления годовой сметы в городской тюрьме. Формуляр таких записей был достаточно устойчив: указывался родной город (уезд) заключенного, его социальный статус, имя и фамилия (или же отчество в форме на -ов или -ин), вид преступления, год заключения в тюрьму; нередко указывалось, кто именно был инициатором уголовного преследования. (Например: «Воронежца посадцкого человека Любима Сазонова сын иво Артюшка по

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 18-09-00313 А.

челобитью воронежца кружечного двора винокура Акимки Михайлова в татином деле со 184-го году»¹.) Эти данные (как, впрочем, и все другие) в обобщённой краткой форме повторялись в конце годовой сметы, в разделе, который назывался «перечень». (Например: «В тюрьме сидельцов – 2 человека в убийствах; 1 – со 183-го, 1 – с нынешнего 185-го году»².) Если же на момент составления годовой сметы заключенных в городской тюрьме не было, этот факт также было необходимо указывать; формулировка обычно была следующей: «в тюрьме сидельцов нет» (или, реже – «тюремных сидельцов нет».

Однако на практике далеко не всегда эта информация присутствует в воеводских отчётах. Иногда пункт о тюремных сидельцах опускался, и тогда белгородские подьячие, переписывавшие отчёт, в соответствующем месте отмечали: «В тюрьме сидельцы есть ли или нет, тово в сметных книгах... не написано»³.

Среди книг Белгородского стола Разряда сохранилось 26 годовых сметных книг за период с 1676 по 1702 г. В силу разной степени их сохранности, годовые сметы Воронежа присутствуют далеко не во всех. Из семи изученных книг воронежские сметы есть в пяти, и только в одной приведены данные о заключенных воронежской тюрьмы; в четырёх книгах составители отчетов по каким-то причинам опустили этот пункт. Это годовая сметная книга 185-го года (1676/77 г. по современному летосчислению), содержащая сведения, по-видимому, на весну–лето 1676 г.

В основной части отчета воеводы Гаврилы Хрисанфовича Волкова⁴ о заключенных воронежской тюрьмы говорится следующее.

«Тюремные сидельцы.

Разбойники Андриюшка Толмочев, Мирошка Белоусов по челобитью думного дворянина и московского ловчего Афонася Ивановича Матюшкина в смертном убийстве со 178-го году.

Землянец Филька Тругочев по челобитью вороножца⁵ сына боярского Григорья Папина в лошадиной краже со 184-го году.

Добренец Алешка Брежнев по челобитью добренского воиводы Афонася Любятинского со 182-го году.

Воронижца Гаврилы Шишкина крестьяне Лучка Усаченок, Алешка Клюев, Селиверстка Лыков по челобитью воронежца Тимофея Толмочева в покраденых иво пчелах со 182-го году.

Думного дворянина Ивана Большого Савостьяновича Хитрово крестьянин Савка Слепушкин во крестьянстве со 182-го году.

Белевца Демидав крестьянин Воивкова Селиверстка Иванов в побеге со 182-го.

Города Олонца гулящей человек Ивашка Филипов, пришел на Воронеж без проезжей памяти, сидит со 183-го году.

Зиньковской черкашенин Трушка Забиякин во 182-м году; привел иво к записке сын боярской Иив Тотаринцов.

Шатченин гулящей человек Якушка Стеблев со 181-го, что он Якушка жил на Воронеже безьявочно.

Добренцы – Мишка Пономорев со 184-го; был на Дону в гребцах, а з Дону пришел на Воронеж объявитца; хлебной целовальник Кузька Хомутильников по челобитью добренского подьячего Микулы Михайлова со 182-го году.

Воронежец села Туровых⁶ Аврамка Меньшов да товарищ иво землянец церковной дьячок Пронька Попов в лошадиной кражи со 184-го году.

Ряшеня Федотка да Митька Исаивы дети Акинфеивы по челобитью того ж города сына боярского Ивана Гарасимова сына Воронина в побеге во крестьянстве со 184-го.

Пронченин Ромашка Лукьянов сын Савин по язычной молке в лошадиной кражи со 181-го году.

Шатченин Ромашка Лорионов в лошадиной кражи по челобитью острогошского салдата Иива Родионова со 180-го.

Ряшенин Ивашка Федоров сын Назарьев со 180-го году, что он вышел з Дону от посадцкого человека от Федота Анекеива.

Усмонца Ивашка Федоров сын Минагоров в побеге во крестьянстве по челобитью шатченина Мурзы Тениша со 183-го.

Воронежца Микиты Шишкина крестьяне Мишка Белокопыт да сын иво Васка по челобитью воронежца церковного дьячка Федора Попова в лошадиной краже со 182-го.

Землянец Петрушка Саснин по челобитью воронежца Григорья Рыженина в лошадиной кражи со 183-го.

Воронежцы села Вербилова Максимка Стариков, Данилка Леонтьев, Гришка Зайцов по челобитью усмонца Давыда Несмеянова с товарищем и по оговору разбойника Микитки Мигунова в татином деле и в лошадиной краже со 184-го году.

Костенского острожка Исайка Мелехов по челобитью того ж острожку попа Семена в татином деле и в лошадиной краже со 184-го.

Воронежец села Туровых Тимофея⁷ Попова сасед Федотка Горбунов по челобитью воронежского салдата Ивсея Рамонова и

по оговору Оврамки Меньшого в татином деле в лошадиной краже со 184-го.

Переславля Резанского Федора Григорьевича сына Вердеревского крестьянин Алешка Кобызев в побеге во крестьянстве со 184-го.

Воронежца посадцкого человека Любима Сазонова сын иво Артюшка по челобитью воронежца кружечного двора винокура Акимки Михайлова в татином деле со 184-го году.»⁸

В итоговом «перечне» сведения о воронежских заключенных даны так: «В тюрьме седельцов 32 человек; в том числе: в смертном убийстве – 2 человека со 178-го; в татинных делах и во всяких кражах – 1 человек со 180-го, 1 человек со 181-го, 5 человек со 182-го, 1 человек со 183-го, 9 человек со 184-го; в побеге и во крестьянстве – 1 человек со 180-го, 1 человек со 181-го, 6 человек со 182-го, 2 человека со 183-го, 3 человека со 184-го годов»⁹.

Итак, в воронежской тюрьме в 1676 г. находилось 32 заключенных. Среди городов, учтенных в годовой сметной книге 185-го года, Воронеж по числу «тюремных сидельцев» был своего рода чемпионом; вслед за ним шли Елец (28 заключенных) и Белгород (18 заключенных)¹⁰.

Составители годовой сметы выделили три вида совершенных преступлений и правонарушений – а) убийство («смертное убийство»), б) воровство («татинные дела и всякие кражи» и в) побегу крепостных крестьян от своих землевладельцев и иные побегу.

Если со «смертным убийством», совершенном, по-видимому, в ходе разбоя (виновные названы разбойниками) всё более или менее понятно, то две остальные группы преступлений нуждаются в некоторых пояснениях и детализации.

Среди краж абсолютно преобладало конокрадство («лошадина кража») – в воронежской тюрьме находились участники девяти таких преступлений. Кроме того, зафиксированы одна кража пчёл и одно «татиное дело» без указания похищенного.

Что касается «побегов», то в эту категорию правонарушений, помимо бегства крепостных, отнесли и случаи, так сказать, нарушения пропускного режима. К ним можно отнести появление в Воронеже олонцкого гулящего человека, не имевшего разрешительного документа – «проезжей памяти»; по-видимому, то же относится к жителю малороссийского города Зенькова, которого «привел к записке» сын боярский И. Тотаринцев¹¹; по схожему поводу попал в тюрьму гулящий человек из Шацка (он не заре-

гистрировал своё нахождение в Воронеже в приказной избе). Не вполне ясно, почему был посажен в тюрьму бывший в гребцах на Дону житель Доброга; это мог быть и нелегальный проезд на Дон, и бегство от нанимателя (в гребцы), находившегося по торговым делам у донских казаков, и какие-то иные обстоятельства. Причём, судя по записи, задержан он был именно тогда, когда хотел своё возвращение и проезд через Воронеж официально оформить («пришёл на Воронеж объявитца»). За побег от нанимателя – посадского человека, который, судя по всему, отправился в донские казачьи городки по торговым делам, был посажен в тюрьму житель Ряжска.

Причины попадания в тюрьму двух добринцев – А. Брежнева и хлебного целовальника К. Хомутильников – совершенно никак не объясняются. В обоих случаях только указано, по чьей инициативе они оказались в заключении. Можно только с осторожностью предположить, что Брежнев бежал со службы (наименование его «добринцем» указывает, что, скорее всего, он был служилым человеком), а Хомутильников, чьего ареста добивался представитель администрации Доброга (добринский подьячий), возможно, совершил какое-то преступление, связанное с его должностью хлебного целовальника.

Заключённые воронежской тюрьмы были жителями двенадцати городов и уездов¹². Разумеется, самую большую группу – 11 человек – составляли жители Воронежа и Воронежского уезда. Большая часть остальных «тюремных сидельцев» до заключения проживала в южнорусских городах, как ближних (Доброе – 3 человека, Землянк – 3 человека, Костёнск и Усмань – по 1 человеку), так и дальних (Белёв, Переславль-Рязанский, Пронск – по 1 человеку, Ряжск – 3 человека, Шацк – 2 человека). Двое заключённых были выходцами из других регионов Московского государства: один – с территории Малой России (город Зеньков), другой – из совсем далёкого Олонца.

По срокам нахождения в тюрьме самыми «старыми» заключёнными были двое разбойников-убийц: к осени 1676 г. шел шестой год их пребывания в заключении. Два человека содержались в тюрьме по четыре года, ещё двое – по три года, одиннадцать человек – по два года, три человека – по году и, наконец, двенадцать человек были посажены в тюрьму в год составления годовой сметы.

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 1089 об. – 1090.

² Там же. Л. 244 об.

³ Там же. Л. 184 об. – 185, 344 и др.

⁴ Г.Х. Волков был назначен воронежским воеводой 5 мая 1676 г. и находился на этом посту до весны 1677 г. См.: Глазьев В.Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках. Воронеж, 2007. С. 133, 136; Он же. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI–XVII веках. Воронеж, 2018. С. 130, 136. Любопытно, что, хотя краткое воеводство Волкова сопровождалось конфликтами и скандалами, а досрочно завершилось фактически отстранением от должности, подписанный им отчёт содержит сведения о воронежских «тюремных сидельцах, в отличие от отчётов ряда последующих воронежских администраторов.

⁵ В оригинале ошибочно «воножца».

⁶ Так в оригинале.

⁷ В оригинале имя ошибочно написано дважды.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 1087 об. – 1090.

⁹ Там же. Л. 1096–1097.

¹⁰ Скобелкин О.В. Белгородские тюремные сидельцы в 1676/77 г. // Очерки истории уголовно-исправительной системы. Иваново, 2019. С. 338.

¹¹ Правда, оборот «привести к записке» нередко использовался для обозначения регистрации военнопленного, которого затем обычно превращали в холопа.

¹² Эта информация приведена для 29-ти заключённых; место жительства двоих разбойников-убийц не указано, но по указанию на инициатора их ареста можно смело утверждать, что воронежцами они точно не были; нет никаких указаний на место жительства беглого крестьянина И. С. Большого Хитрово.